

## ВОВЛЕЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ИНТЕРПРЕТАЦИОННУЮ МОДЕЛЬ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА\*

Е.С. Козловская

Кафедра общего и русского языкознания  
Филологический факультет  
Российский университет дружбы народов  
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются некоторые языковые и речевые приемы манипуляций с категорией времени, которые использовали адвокаты на судах присяжных в период российской судебной реформы XIX в.

**Ключевые слова:** модель времени, способы актуализации и дезактуализации замедления и ускорения времени, моделирование будущего как достоверного.

Категория времени трудноуловима для восприятия, даже если речь идет о времени действительном: чтобы измерять время, выбирались разные системы отсчета.

Выбирали либо начальную точку, и в этом случае время представляли как линейное; либо выбирали некоторую закономерность в последовательности тех или иных событий, и тогда время изображали как повторяемый цикл: «даже самые примитивные народы, не имеющие потребности в линейном отсчете времени от какой-либо условной даты... различают день и ночь, времена года, „живую хронологию“ по датам собственной жизни и, наконец, цикличности — неделю, месяц, двенадцать лет...» [2. С. 231]; либо искали напряжение, концентрированность, сгущение действий, которые позволяли утверждать, что произошло историческое событие. В последнем случае время представляли прерывистым, дискретным.

Тем более сложно установить модель времени, которая возникает не в действительной жизни, а в пространстве, моделирующем эту действительную жизнь, а именно такое пространство формируется в защитительных текстах. Обычно такая модель времени трансформирует действительное время, создает его образ.

Модель времени в защитительных текстах подобна времени художественному: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1. С. 238].

---

\* Рец.: проф. О.И. Валентинова (РУДН); доц. И.Ю. Свинцова (МГИМО (У) МИД РФ).

Введенное М.М. Бахтиным понятие *хронотоп* характеризует неразрывную слитность пространственных и временных характеристик художественного образа. Именно такая модель времени создается в выступлениях адвокатов. В зависимости от важности того или иного временного отрезка жизни обвиняемого для построения защиты какая-то часть объективного времени, какая-то его доля либо замедляется, либо ускоряется по отношению ко времени объективному.

В судебном разбирательстве очень важно точно установить точное время и последовательность событий, имеющих отношение к преступлению. Иногда именно это позволяет доказать виновность или невиновность подзащитного. Выступая с защитительной речью, адвокат создает такую модель времени, которая позволяет переключить внимание присяжных с события, неблагоприятно характеризующего подзащитного, на события, которые могли бы создать у слушателей иное впечатление о нем, его положительный образ.

И тогда временной отрезок в несколько лет может быть представлен адвокатом как молниеносно пережитый, а временной отрезок в несколько минут может быть представлен как медлительный, напряженно длящийся. Задача одна: увести, переключить внимание слушателей от события, актуального для судебного разбирательства — преступления, совершение которого обвиняемым уже доказано, на событие из прошлого обвиняемого, которое связано либо опосредованно, либо вообще никак не связано с совершенным преступлением, но которое позволит изменить нравственный образ обвиняемого в глазах присяжных.

В выступлении по делу о защите Веры Засулич, которой на момент покушения на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова было 29 лет, адвокат обращает внимание присяжных на события, которые происходили с его подзащитной почти десять лет назад, когда она также обвинялась в преступлении — поддержке деятельности революционного кружка «Народная расправа». Вина ее не была тогда доказана, однако Засулич два года провела под арестом, о чем адвокат упоминает одной короткой фразой: *«год просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости»* [4. С. 245]. Но после освобождения страдания девушки не заканчиваются: *«Была весна... прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается — не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму»* [4. С. 245].

Десять дней, проведенные ею на свободе, в речи адвоката становятся более значимыми, чем два года под стражей. Кроме объективной краткости описания двух лет в тюрьмах и детального описания нового ареста, адвокат использует глаголы настоящего времени: *«объясняет он Засулич», «Засулич сидит в пересыльной тюрьме... навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки... никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке»* [4. С. 245], тогда как до этого рассказ велся в прошедшем времени (*«просидела», «была весна», «прошло десять дней»*).

Таким образом, действие замедляется, перемещается из прошлого в настоящее и, наконец, актуализируется. Кроме того, все глаголы, которые пере-

числяет адвокат, являются глаголами несовершенного вида. Их использование позволяет придать детализацию описываемым событиям, что усугубляет ощущение неспешности, бесконечности и безнадежности происходящих событий.

Противопоставления в рассказе о втором аресте усугубляют атмосферу неизвестности, тревоги, неожиданности, ср.:

«розовые мечтания» → «вдруг поздний звонок»;

«запоздалый друг» → «местный надзиратель».

Все, что окружает Засулич в то время, — «розовые мечтания», конфеты, книжки, — соотносится с образом юной романтической девушки, с помощью чего одновременно с актуализацией описываемых событий актуализируются и смысловые связи с прошлым обвиняемой, — ‘беззащитная девушка, попавшая в беду’.

Обращаясь к фактам, происходившим в жизни Засулич в прошлом и не имеющим прямого отношения к событиям настоящего, адвокату удастся в глазах присяжных представить виновную в преступлении девушку заседателей ранимой и беззащитной.

Прием замедления описываемых событий из прошлого обвиняемого используется также в деле о защите князя Грузинского, который убил любовника своей жены.

Рассказывая о моменте, когда князь впервые узнал, что жена ему неверна, адвокат заменяет прошедшее время повествования на настоящее: «Тут-то князю, еще не покидавшему кровати, пришлось испытать страшное горе. Раз он слышит — больные так чутки — в соседней комнате разговор Шмидта и жены: они, по-видимому, перекоряются; но их ссора так странна: точно свои бранятся, а не чужие, то опять речи мирные... неудобные... Князь встает, собирает силы... идет, когда его никто не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати» [3. С. 119].

Использование настоящего времени позволяет адвокату привлечь особое внимание присяжных к неожиданности случившегося разоблачения, подчеркнуть глубину и тяжесть переживаний князя, который узнает о своем горе, будучи серьезно больным («раз он слышит — больные так чутки», «идет, когда его никто не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати»), что одновременно подчеркивает его беззащитность перед обстоятельствами.

Измена — «страшное горе» для такого благородного человека, как князь Грузинский. Разрушительное влияние этого горя на личность князя, постоянные уколы оскорбленной гордости и бесконечное одиночество в такой тяжелой для него жизненной ситуации адвокат также описывает в настоящем времени: «Выйдет князь к прислуге, к рабочим, а в глазах их точно сквозит насмешка. Он отмалчивается, ему неловко посвятить их в суть своего горя, а жена и Шмидт этим пользуются: жена приходит без него в дом, не пустить ее не смеют — приказа не было, и хозяйничает, берет вещи, белье, серебро. Князь боится встретиться с детскими глазами, вопросительно смотрящими на него» [3. С. 120].

Отмечается не только глубина, но и длительность страданий обвиняемого, чему также способствует настоящее время повествования: *князь «отмалчивается», «ему неловко», он «боится».*

Атмосфера, в которой он жил, была напряженной, выхода из этой ситуации князь не видел, ему неоткуда было ждать поддержки: в глазах прислуги и рабочих *«сквозит насмешка»*, он *«боится встретиться с детскими глазами, вопросительно смотрящими на него»*, в то время как жена продолжает приходить в дом князя и *«хозяйничать»* в нем.

Раскрывая значение глагола *«хозяйничать»*, адвокат объясняет действия неверной жены: *«берет вещи, белье, серебро».* Изменив мужу, она его еще и обворовывает.

Этот эпизод позволяет адвокату представить поведение жены и ее моральный облик в глазах присяжных в еще более безнравственном виде, тогда как молчаливые страдания мужа приобретают не только глубину, но и благородство, ведь князь не запрещает ей приходить в свой дом, *«хозяйничать»*, общаться с детьми.

Иногда в защитительной речи может моделироваться будущее, которое еще не произошло, а возможно, и не произойдет или не произошло бы. Рассмотрим еще один фрагмент речи по делу князя Грузинского: *«Но прежде чем голубки переберутся в свою Овчарню и заворкуют, вспоминая, как они ловко обманули князя, отняли у него его добро, надругались над его мягкостью и будут замышлять, как им захватить еще и еще, — посмотрим...»* [3. С. 120].

Адвокат использует будущее время для краткого описания дальнейших событий, чтобы, прервавшись в середине фразы, перейти к рассмотрению еще одного аспекта жизни князя, никак не связанного с обстоятельствами дела об убийстве. Такой повествовательный прием помогает адвокату зафиксировать внимание присяжных на событиях, которые в итоге привели к убийству. Важно и то, что, кроме описания, адвокат дает этим событиям оценку, призывая слушателей согласиться с ним: *«голубки... заворкуют, вспоминая, как они ловко обманули князя, отняли у него его добро, надругались над его мягкостью и будут замышлять, как им захватить еще и еще».*

Таким образом адвокат заранее пытается представить произошедшее после убийство как справедливое возмездие, защиту благородным князем собственных чести и достоинства. На фоне *«обмана»* и *«надругательства»* со стороны жены и ее любовника преступление, совершенное подзащитным, показано адвокатом как необходимая и адекватная мера сопротивления тем, кто *«замышляет, как им захватить еще и еще».*

Переход на настоящее или будущее время в рассказе о прошлом замедляет течение описываемых событий, подчеркивает их особую значимость в рассматриваемых делах, позволяет адвокату выделить именно те аспекты личности обвиняемого, которые будут опосредованно воздействовать на вынесение приговора.

И действительно, такая интерпретационная модель времени положительно воспринималась слушателями — присяжными заседателями, это было очень

эффективное средство воздействия на аудиторию, которое помогало адвокату добиться поставленной цели: дела были завершены положительно для подзащитных.

В случаях, когда факторы времени заведомо работали против подзащитного, адвокат также старался интерпретировать их таким образом, чтобы у присяжных создавался положительный образ обвиняемого.

К примеру, в деле о защите Иванова, который убил свою невесту через неделю после знакомства, адвокат сравнивает два романа, которые были в жизни его подзащитного. Первый из них длился три года («*это был самый значительный и едва ли не единственный настоящий роман в жизни Иванова*») [4. С. 289], второй — неделю и закончился трагедией («*Увидев ее в дилижансе, в первый раз в жизни, Иванов мгновенно полюбил ее и даже сделал предложение*») [4. С. 289].

Краткий период знакомства с невестой — от первого дня знакомства до убийства проходит одна неделя — показывает обвиняемого как человека, не контролирующего свои чувства и поступки. Чтобы такую стремительность в развитии событий, приведших к преступлению, нельзя было интерпретировать в ущерб обвиняемому, адвокат подчеркивает: «*Замечательно, что ни с Кларой, в течение трех лет, ни с Настасьей, в течение недели, Иванов, несмотря на самые интимные свидания, не вступал в половую связь*», «*...как только женщина захватывала его глубже, как только в нем начинало говорить сердце... он с величайшими усилиями обуздывал свою страсть в ожидании брака*» [4. С. 291].

Адвокат соглашается, что его подзащитный — человек, живущий чувствами, но обращает внимание присяжных, что он, хотя и «*с величайшими усилиями*», но все же «*обуздывал свою страсть*». Главной причиной, по которой Иванов не поддавался страсти, было «**ожидание брака**». Следовательно, обвиняемый в глазах присяжных предстает человеком глубоко нравственным, человеком, осознающим свои пороки, но борющимся с ними, следуя высоким моральным принципам.

В защитительных текстах неизбежно обращение к факторам времени. Но именно интерпретация этих факторов позволяла адвокату создавать с их помощью определенную точку зрения на рассматриваемые события, воздействовать на присяжных заседателей с целью вынесения положительного приговора.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
- [2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — М.: АСТ, 2010. — С. 231.
- [3] Плевако Ф.И. Судебные речи. Серия: Антология мысли. — М.: Юрайт, 2011. — С. 119.
- [4] Судебные речи известных русских юристов. Серия: Антология мысли. — М.: Юрайт, 2011.

## **THE CATEGORY OF TIME AS A PART OF THE INTERPRETATIONAL MODEL OF THE IMAGE OF A CRIMINAL**

**E.S. Kozlovskaya**

The General and Russian Linguistics Department  
Philological Faculty  
Peoples' Friendship University of Russia  
*Miklyho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The paper is devoted to some language and speech manipulation techniques with the category of time using by counsels for the defense in a jury trial at the period of judicial reform in Russia in XIX century.

**Key words:** model of time, methods of actualization and desactualization of retardation and acceleration, modeling of the future like authentic.

### **REFERENCES**

- [1] *Bakhtin M.M.* *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki.* — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. — S. 234—407.
- [2] *Gumilev L.N.* *Etnogenez i biosfera zemli.* — M.: AST, 2010. — S. 231.
- [3] *Plevako F.I.* *Sudebnye rechi. Seriya: Antologiya mysli.* — M.: Yurajt, 2011. — S. 119.
- [4] *Sudebnye rechi izvestnykh russkikh yuristov. Seriya: Antologiya mysli.* — M.: Yurajt, 2011.